

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-21-29
УДК 327(045)

Идеологемы постмодерна vs национально ориентированное мировоззрение: к пониманию политической картины мира российской молодежи*

С.Ю. Белоконев, С.Н. Гавров
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается актуальная ревизия западных философских концепций, социально-культурных практик, культуры повседневности, мешающих главной задаче национальной системы образования и воспитания – формированию национально ориентированного мировоззрения современной российской молодежи. Внимание читателя акцентируется на истоках возникновения постмодернистских концепций, для чего авторы обращаются к работам В. Райха, Г. Маркузе, Ж.Ф. Лиотара и др. Рассматривается соотношение современного, постмодерного и домодерного начал в российском патриотическом мировоззрении, которое формировалось в течение ряда исторических эпох и сохранило наиболее ценные идейные элементы, прежде всего интеллектуальную концепцию графа С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность», имеющую важное мировоззренческое значение сегодня.

Ключевые слова: мировоззрение; молодежь; социализация; инкультурация; постмодернизм; Г.Ф. Гегель; В. Райх; К. Шмитт; Г. Маркузе; Ж.Ф. Лиотар; С.С. Уваров

Для цитирования: Белоконев С.Ю., Гавров С.Н. Идеологемы постмодерна vs национально ориентированное мировоззрение: к пониманию политической картины мира российской молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):21-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-21-29

ORIGINAL PAPER

Postmodern Ideologems vs Nationally Oriented Worldview: Toward an Understanding of the Political Picture of the World of Russian Youth**

S. Yu. Belokonev, S.N. Gavrov
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the current revision of Western philosophical concepts, socio-cultural practices, culture of everyday life, which hinder the formation of a nationally, civilizationally oriented worldview of modern Russian youth. Interfering with almost the main task of the national system of education and upbringing – the formation of a patriotic worldview of Russian youth. The reader's attention is focused on the origins of postmodern concepts, referring to the works of W. Reich, G. Marcuse, J.F. Lyotard and others. The ratio of modern, postmodern and premodern beginnings in the Russian patriotic worldview is considered. It was formed over a number of historical epochs, retaining the most valuable ideological elements, primarily the intellectual concept of Count S.S. Uvarov "Orthodoxy. Autocracy. Nationality", which has an important ideological significance today.

Keywords: worldview; youth; socialization; inculturation; postmodernism; G.F. Hegel; W. Reich; K. Schmitt; G. Marcuse; J.F. Lyotard; S.S. Uvarov

For citation: Belokonev S. Yu., Gavrov S.N. Postmodern ideologems vs nationally oriented worldview: Toward an understanding of the political picture of the world of Russian youth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):21-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-21-29

* Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН в рамках проекта «122101100022-4 – Возможности формирования мировоззрения в разных возрастных группах» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

** The study was carried out at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences within the framework of the project "122101100022-4 – Opportunities for the formation of a worldview in different age groups" with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня мы переживаем то, что по-немецки называется «*Zeitenwende*» — эпохальный сдвиг. Это тектоническое изменение духа времени — «*Zeitgeist*», в трактовке немецкой философской школы — сделало патриотизм российской молодежи априорным условием сохранения страны. Но активации российского патриотизма мешает не только космополитическое мировоззрение и поведение части политических, экономических, культурных элит, но и комплекс идей, которые повлияли и продолжают влиять на социализацию и инкультурацию молодых людей. Нужно понять, почему они стали пораженцами и/или потенциальными, а то и вполне реальными дезертирами? Важно рассмотреть философские концепции, идущие с Запада, системно препятствующие резкой и масштабной активации российского патриотизма.

В первую очередь речь идет об усилении и господстве теорий, восходящих к марксизму (неомарксизм), фрейдизму (неофрейдизм), отталкивающимся от модерна, гегельянства, классической рациональности как факторов, способствовавших (по мнению критиков — ревизионистов модерна) приходу к власти в Германии национальных социалистов и приведших ко Второй мировой войне. Масштабная коррекция идей, лежащих в основе модерна, на Западе привела к постепенному формированию постмодернистских концепций, размывающих национальную идентичность и готовность жертвовать значимым для защиты Отечества.

Деконструкция старого социального и мировоззренческого порядков должна была, по замыслу авторов, навсегда обезопасить мир, по меньшей мере Европу, от всего большого, идеократического, претендующего на мобилизацию наций во имя истории, традиции, Церкви, Родины.

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XX В.

Испуг свидетелей страшных событий понятен. Из этого масштабного испуга, активировавшего инстинкт самосохранения, вырос впоследствии приоритет личных интересов над общественными касательно любой социальной общности — от семьи до нации. Страх заставил высоколобых интеллектуалов эпохи бежать из Европы за Атлантический океан, вещать оттуда «заблудшим»,

с их точки зрения, отчасти «второсортным» европейцам, по традиции считавшим родину высшей ценностью, готовых бороться и даже умирать за национальное государство, землю предков, откуда неприлично и недостойно релокироваться при первой опасности.

Одним из духовных отцов будущих постмодернистов 60-х гг. XX в. стал известный мыслитель, практикующий врач, в юности тесно сотрудничавший с З. Фрейдом, В. Райх. Рассмотрим его базовую социально-философскую, мировоззренческую работу «Психология масс и фашизм» [1].

Что же, по мнению В. Райха, мешает европейцам, формирует их традиционный социальный порядок и не позволяет быть счастливыми? Почему они все еще верят в традиционные ценности, готовы защищать родину, заниматься высокими искусствами, вместо того, чтобы наслаждаться жизнью практически на животном уровне?

Какой же рецепт выписывает обществу практикующий доктор? Он прост: десублимация должна прийти на место сублимации, нужно открыть дорогу основным инстинктам, в первую очередь сексуальности. Больше сексуального и даже сексологического воспитания для всех, вне зависимости от возраста, и будет вам слом традиционных ценностей, привычек, традиций.

Проведите полноценную эмансипацию женщин, освободите их от труда по уходу за детьми и работы на семью. Да здравствует (по В. Райху, разумеется) борьба с Католической церковью, традицией, историей, семьей, даже с сельскохозяйственным трудом, требующим множества рабочих рук и потому способствующим воспроизводству большой патриархальной семьи, укреплению Церкви и традиционного социального порядка.

Kinder, Küche, Kirche (дети, кухня, церковь) — чуть ли не главная преграда, с точки зрения В. Райха, в процессе эмансипации женщин — основного направления в процессе десублимации, в борьбе со всеми пережитками, включая патриотизм. Эта «борьба за эмансипацию» проявилась затем в студенческих беспорядках во Франции в 1968 г., а ее результаты получили многочисленные иллюстративные изображения в западном кинематографе. Вот, собственно, и все, за что «боролись» западные интеллектуалы 50–60-х гг., затем эта идейная повестка была

дополнена борьбой за права ЛГБТ, а позднее и трансгендеров.

Зачем В. Райху эмансипация женщин? Он думал о счастье и процветании, общественном благе или хотя бы о благе отдельных индивидуумов? Совсем нет — о сломе старых традиций и верований, формировании новых поколений, которые не смогут взять в руки оружие для защиты родины. Сейчас говорят: по «морально-этическим» соображениям. Сколько в таком нарочитом пацифизме морального и этического — вопрос, по меньшей мере, открытый.

В. Райх — со стороны фрейдистов и Г. Маркузе [2] — со стороны марксистов во многом определили пораженческое, антинациональное космополитическое начало, пропитавшее европейскую интеллектуальную мысль второй половины XX в. Они способствовали образованию постмодернистских направлений в философии и житейской повестке Запада, создав теоретическое обоснование постмодерна как мировоззренческой конструкции, которая была ими волюнтаристски поставлена на место модерна. Это было сублимированное выражение их личного испуга. Иными словами, постмодернистские философские спекуляции не столько отражали тенденции экономических, социально-политических изменений на Западе, но и во многом моделировали, искусственно насаждали эти изменения.

Что же это за мегапереход от модерна, сохранявшего часть традиционалистских представлений прежних эпох, к постмодерну, призывающему отказаться буквально от всех традиций, дошедший сегодня до так называемой «культуры отмены»?

По мнению классика постмодернизма Ж. Ф. Лиотара, прежде всего речь идет об отходе от интерпретации истории как большого осмысленного рассказа, чего-то одушевленного, одухотворенного телеологией духа. По сути, это отход от постулированных Ф. Г. Гегелем в «Феноменологии духа» принципов, переход к локальному, частному равноценному опыту социального человека, опыту множественного, часто не сводимого к общему.

Свою нелюбовь к Гегелю-философу, его диалектике открыто декларировал, например, один из видных релокантов эпохи, перебравшийся в 1937 г. в Новую Зеландию и горячо любимый либералами философ-позитивист К. Поппер, причисливший Г. Ф. Гегеля к лже-

пророкам и врагам открытого общества [3]. История кажется им субъективизированным повествованием — скорее Хаос, чем Космос.

Постмодернизм не нуждается в метафизическом природном единстве, всегда выбирая частное вместо общего, склоняясь к логике перформанса, соблазну и симуляции. Это свидетельствует не о раскрепощенности жизни, а о ее порабощении симулякрами, «тяготеющими к разрушению автохтонных структурных образований витальности и к беспочвенным удовольствиям, которые ведут к торжеству “пошлой рыночной жизни”». В этом состоит идеал постмодернистского плюрализма [4].

Таким образом, предпочтение всегда и во всем отдается частному, локальному, а не общему и глобальному. В рамках спекулятивных постмодернистских построений интеллектуалов Запада — «только универсальная герменевтическая перспектива... перспектива интерпретации и диалога всех голосов и всех ситуаций ... постмодерного мира» [5]. Никакой общей судьбы, каждый спасается, как и умирает, в одиночку, хотя в процессе можно вступить в полилог.

Франко-немецкий философ Р. Шюрманн еще более четок и категоричен в определении основных характеристик постмодерности: отрицание любых форм интегрирующего мировоззрения, незаинтересованность в будущем человечества, анархия как сущность всего, что можно использовать, практически воплотить, применить [6].

В определенном смысле адепты постмодернистских философских течений переосмыслили и интегрировали в свои спекулятивные концепции старый лозунг русских анархистов «Анархия — мать порядка», на практике воплощенный Н. И. Махно. Он предвосхитил многое из интеллектуальных спекуляций философов-постмодернистов, силой оружия утверждая сообразный эпохе прообраз возможного будущего на подконтрольных территориях. Так что практика анархического порядка, его утверждения в социальной жизни появилась задолго до классических постмодернистов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ТРИАДА РОССИИ: «ПРАВОСЛАВИЕ. САМОДЕРЖАВИЕ. НАРОДНОСТЬ»

История и современность России явственно демонстрирует непригодность постмодернистского мировоззрения для сохранения страны.

Нам и модерн, по большому счету, был нужен, чтобы «нарастить мускулы» страны.

Но и в Российской империи, и в СССР общее всегда было главнее частного, интересы страны и народа ставились выше рациональных соображений и инстинкта самосохранения индивида. Без мобилизации народных сил невозможно было сохранить территорию, доставшуюся нам в наследство от предков, бившихся с многочисленными врагами за родину, побеждавших и потому расширявших ее границы. В этом смысле наша география — судьба России.

Мы вынуждены из века в век отражать удары геополитических противников, сами наносить упреждающие удары, прежде всего на Западе, откуда исторически происходило наибольшее число разрушительных военных вызовов, ставящих под вопрос само существование России. Благодаря поколениям героических предков у нас есть стратегическая глубина территории, в которой вязнет любое иноземное нашествие.

Потому на идейном и мировоззренческом уровнях мы отрицаем не только постмодернистские философские построения, но и часть идеологий, связанных с модерном. Как в «домодерной» Франции в годы революции родилась идейная триада «Liberte, Égalite, Fraternite» (свобода, равенство и братство), так и в «домодерной» Российской империи министром просвещения графом С. С. Уваровым был дан ответ на нее: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и народности» [7]. Истоки этой идейной конструкции прослеживаются в творчестве историка Н. М. Карамзина в начале XIX в.

Уваровская триада сродни французскому антиподу, она имеет вневременной характер, меняясь в форматах маркетинговой подачи для новых поколений, но не содержательно. Отчасти, в позднем СССР триада графа С. С. Уварова возродилась в формулировке: «партийность, крепкая государственная власть, народность». Вопрос в СССР вызывало православие. Страна Советов — атеистическое государство, и государственная, по сути, религия Империи Романовых, Московского княжества и царства, симпатий не вызывала, более того, была главной идеологемой — конкурентом. Сегодня это ограничение снято, остаются небольшие вопро-

сы, связанные с тактикой. Наиболее архаично выглядит в наши дни срединная часть триады — «самодержавие». Но дело здесь не в названии, а в утверждении того, что сильная верховная власть является непременным условием сохранения страны и народа в истории. И как эта власть называется в разные периоды нашей истории, не столь важно. Важнее то, насколько верховная власть сильная и дееспособная, как быстро и эффективно она может отвечать на вызовы времени, быть непоколебимой в защите национальных интересов.

«Народность» вызывает меньше вопросов, разве что у ранних большевиков 20-х — первой половины 30-х гг. прошлого века (за этим исключением ее принимали даже в СССР). Нам важно содержание термина, то, что за ним стоит примат коллективных, народных интересов над индивидуальными. Во время мобилизации в 1914 г. крестьяне, не очень разбиравшиеся в политике и географии, спрашивали: «Наша деревня тоже воюет с германцем?» И, перекрестясь, шли на призыв. Уклонистов среди них, да и среди горожан, образованного общества, практически не было. Так, уже в 1914 г. пошел добровольцем на фронт поэт Н. С. Гумилев, вспоминая 2,5 года, проведенные в действующей армии, как самый насыщенный и чуть ли не лучший отрезок жизни.

Дошли до нас и чеканные строки А. Блока, написанные 1 сентября 1914 г.:

*«Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон...
Эта жалость — ее заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней.
Грусть — ее застилает отравленный пар
С галицийских кровавых полей» [8].*

Стихотворение известное, но как звучит сегодня!

А. А. Блок и Н. С. Гумилев не могли стать постмодернистами, даже если бы и прожили долгую земную жизнь и застали европейско-американскую трусливую эпоху постмодерна. Россия для них — высшая ценность.

Сегодня мы переосмысливаем многое из того, что вошло в научный и социально-культурный обиход за последние тридцать лет. Где возможно, отказываемся от западных идей

и концепций, в том числе критически переосмысливаем мировоззренческие подходы в рамках постмодернизма. Мы ментально возвращаемся даже не на 80 лет, а скорее всего, к рубежу XIX–XX вв., переигрываем историю и переосмысливаем обрамляющие ее философские концепции заново.

ОГРАНИЧЕНИЯ НА ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

На этом пути, однако, есть видимые неудобства и ограничения. Молодежь, да и люди более зрелого возраста, очень часто не готовы принимать ни советское, ни досоветское мировоззрение, в том числе в изложении столь популярных сегодня в интеллектуальных кругах философов первой волны русской эмиграции. И дело здесь не только в гипертрофированном (в пику большевикам) традиционализме мыслителей, близких к эмигрантской молодежи НТС 20–30-х гг. и маститых философов, таких, как И. Ильин. Традиционализм в своих различных ипостасях, в том числе — коллективизма, и тем более в крайнем формате солидаризма, сегодня лишь отчасти инструментален в плане формирования национально ориентированного мировоззрения российских граждан. Вопреки названию, обращаемому к традиции, традиционализм, скорее всего, является сегодня ее реконструкцией. С традиционализмом, как с живой традицией жило русское крестьянство до большевистской коллективизации в конце 20-х — первой половине 30-х гг. прошлого века. Советский неотрадиционализм сегодня также не очень понятен российской молодежи.

Дело в том, что почти весь тридцатилетний постсоветский период мы не только жили в парадигме посмодернизма, но и строили основанное на личных достижениях и личной экономической, карьерной состоятельности общество потребления. А в нем каждый — сам за себя.

Сегодня история Отечества сделала крутой поворот, оказавшийся абсолютно неожиданным как для молодежи, так (пусть и в меньшей степени) и для людей зрелого возраста. Для тех, кто хоть отчасти помнит СССР, прошел там первичную социализацию и инкультурацию, был воспитан на советских фильмах, посвященных Великой Отечественной войне, понять и при-

нять новый глобальный антизападный поворот оказалось проще, чем молодежи.

Она, судя по нашим опросам, во многом аполитична, по-прежнему нацелена на личностный, карьерный рост и потребление. Части молодых людей не хочется проходить мучительную ломку, и они мечтают о релокации. Но рано или поздно им придется подстраиваться под нормы принимающего общества, да и стоимость жизни там, как правило, существенно выше, чем в России, а рынок труда для иммигранта всегда хуже.

От практического воплощения релокации многих молодых людей удерживают соображения экономического порядка, неуверенность в собственной востребованности на рынке труда, а не национально ориентированное мировоззрение.

Тридцать лет школьные психологи, СМИ и социальные сети учили их тому, что высшим приоритетом являются они сами [9]. И нет ничего удивительного в том, что многие из молодых людей поверили, что самое важное — их индивидуальные права, а интересы любых социальных общностей, будь то семья, профессионально-социальные группы, нация — вторичны.

Такого соотношения прав личности и общества не было не только в Российской империи и СССР с его гипертрофированным духом коллективизма, но даже в довоенной Европе. Эпоха расцвета постмодернизма приходится на послевоенное время. До Второй мировой войны на Западе не вызывали, например, особого удивления, тезисы, высказанные в 20-е гг. прошлого века, в эпоху Веймарской республики, немецким консервативным мыслителем К. Шмиттом, утверждавшим важность «первичной интуиции», о том, что только «социальное всеединство» безграничного государства может обеспечить человеку самое ценное — его физическое существование. В связи с этим «субстанциальная однородность должна быть установлена — если потребуется — путем отделения... гетерогенного». Понятно, что это крайняя идейная позиция, но в ретроспективе европейской социальной философии представленная достаточно характерно. В философском контексте эпохи можно вспомнить Т. Гоббса как глашатая «государства-левиафана» [10].

И так ли плохо «государство-левиафан», как нас пытались убеждать все тридцать лет постсоветской эпохи? Истеричность утверждений,

что плохо и очень плохо, вызывает подозрения. Социальная философия не должна быть так явно ангажирована и тем более истерична. Как раз сегодня нам просто необходимо расширение государственных функций во имя физическое и духовного сохранения нации в истории. Нам нужно большое и сильное государство для формирования национально ориентированного мировоззрения российской молодежи. Это взаимно обуславливающие и взаимно поддерживающие процессы.

Но (несмотря на возможные оговорки и существенные ограничения социокультурной эмпирики и наличного мировоззрения) с концептом, лежащим в основе целенаправленного формирования мировоззрения со стороны власти многое понятно — это конфигурации традиционализма с их мировоззренческой сердцевиной — традиционными ценностями. Однако в отношении языка обращения и лидеров общественного мнения, способных донести выбранный традиционалистский концепт до молодежи, такого понимания нет.

Речь идет о существующих сегодня поколенческих разрывах в картине мире, основанной во многом на детской, юношеской социализации людей и их последующего жизненного опыта. В периоды интенсивного уровня социальной и культурной динамики и личностной вертикальной мобильности интерес молодежи к традициям ослабевает, а новизна, оригинальность, необычность становятся доминирующими ценностями. Общество устремляется вперед, господствует активность, оптимизм, вера в прогресс, науку и технологию как инструменты рационального изменения мира. В такой идеологической атмосфере не может не возникнуть антитрадиционализм, и его носителем выступает «нынешнее поколение».

Когда семидесятилетние говорят пятидесятилетним, что надо делать, те обращаются к более молодым исполнителям — двадцатилетним. Но смысл сказанного, переданного по этой поколенческой цепочке, радикально меняется — они не очень понимают друг друга.

Для молодежи нужен другой язык обращения, привычные для нее стилистические формы, сленг репа и батла, в том числе критическое и несколько циничное отношение к миру. Беда в том, что старшие временами просто не могут отличить поддержку от неодобрения или рав-

нодушия — слишком разный язык, форматы, стилистика.

Молодые люди критичны в силу возраста, они, скорее всего, склонны ниспровергать, чем поддерживать, и привыкли проверять информацию в разных источниках, рассматривая аргументы «за» и «против». Для них почти нет ломов (лидеров общественного мнения), они просто отписываются, судя по статистике, от оплаченных блогеров, вне зависимости от их популярности. Это относится и музыкантам, пытавшимся в разное время поддержать власть. Так, в тексте песни Тимати и Гуфа, посвященной 872-летию Москвы, есть фраза, взорвавшая интернет: «Пешком с Арбата и до площади Гагарина — там хлопну бургер за здоровье Собянина». В комментариях — почти сплошной негатив, дизлайки. И это по поводу небольшого комплимента С. С. Собянину, при котором Москва развивается и хорошеет, и это сказано на понятном молодежи языке. Но молодые не одобрили услышанное. То же самое, в рамках нашего мысленного эксперимента, произошло бы и с другими исполнителями, даже если среди них будет «иноагент» Моргенштерн.

Сегодняшняя молодежь не готова принимать чужое мнение, но чувствуют опасность, которая может исходить от старших при взаимодействии с ними, например, на несанкционированных акциях. Их волнуют вопросы карьеры и спокойствие родителей, потому и поддержка власти часто бывает формальной.

Но ход истории происходит не по прямой, а волнами (циклами), — здесь уместно вспомнить социолога П. А. Сорокина и экономиста Н. Д. Кондратьева. Модернизация носит неустойчивый, волнообразный характер — волны ее подъема сменяются волнами рецидивирующего традиционализма.

Сегодня мы наблюдаем историческую коррекцию модерна и постмодерна. В ее рамках возник значимый идейный, когнитивный, поведенческий диссонанс, связанный с тем, что общество (и, прежде всего, молодежь) в той или иной мере старалось вписаться в тренды глобального мира, предполагавшие и межстрановую мобильность.

Возможная новая мировоззренческая нормативность жестче, она идет в разрез с трендом, в рамках которого происходила социализация и инкультурация молодых поколений в последние тридцать лет. Как теперь быть, возможно

ли что-то поправить, обращаясь к традиционализму? Исправлять всегда сложнее, а выбирать можно было тридцать лет назад. Теперь надо работать со сложившимся плюралистичным мировоззрением молодежи, временами доходящим до номинализма, можно сказать — атомарности. Перенаправить отчасти прозападный вектор в мировоззрении современной российской молодежи непросто, здесь нужны неординарные решения.

**ПРЕОДОЛЕВАЯ ПРЕГРАДЫ
И ОГРАНИЧЕНИЯ НА ПУТИ
ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ.
СОБОРНОСТЬ — МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ
ДОМИНАНТА ИЗ ПРОШЛОГО
И БУДУЩЕГО**

Сегодня мы вспоминаем всеобъемлющее понятие «народ», постепенно дистанцируемся от западного социального номинализма, социально-профессиональных страт, мучительно пытаемся отказаться от полновластия западного научного языка, понятий и терминов в описании и прогнозировании социальной реальности.

Происходит возврат к национально ориентированному мировоззрению, подобному советскому патриотизму перед Второй мировой войной. «Вещь неслыханная, невозможная вчера: в СССР “родина” объявлена священным словом. Родина склоняется во всех падежах, комсомольцы учатся патриотизму по классическим прописям: то есть прежде всего национальной гордости. Первая в мире страна, самая свободная, самая мощная, самая передовая. На нее покушаются — мы дадим отпор. И враги — это уже не мировая буржуазия, а конкретно: Япония, Германия. Нельзя думать, что все это пишется и говорится по заказу. Естественнее предполагать, что власть только открыла шлюзы, долго сдерживавшие поток бурной национальной стихии» [11].

Вслед за Г. П. Федотовым, автором этих строк, мы скажем, что власть в современной России открыла шлюзы для нашего возвращения в Русь-Россию; отказа от части идейных концепций, мешающих этому; осознания себя отдельной культурно-цивилизационной системой, которой никто не может навязывать свои нормы и ценности. Так заканчивается прежняя историческая эпоха. Новая нормативность подразумевает освобождение от трусости,

пораженчества, псевдогуманизма, идейной и методологической всеядности постмодернизма. Она предполагает возвращение к идеям Г. Ф. Гегеля и правых гегельянцев, к телеологии истории, к растянутому на столетия и тысячелетия процессу становления и развития России и русского народа, понимаемого нами как политическая нация.

На Западе часто думают, как сделать так, чтобы сохранение-воспроизводство в России прекратилось, ибо она им мешает. Сегодня они сводят дело к дискурсу о гендерно нейтральных туалетах в школах и правах трансгендеров в армии, а Россия создает казачьи воинские части в рамках Росгвардии. Они выводят немецкий контингент из Афганистана после нападения и гибели нескольких военнослужащих Бундесвера, а русские поднимают восстание в пакистанском лагере для военнопленных в Бадабере, и 9-я рота, состоящая из 18–19-летних мальчишек, в окружении отбивает многочисленные атаки пакистанского спецназа и афганских душманов.

Вот наглядное отличие наших и западных ценностей. У нас на глубинном, воспитанном историей и культурой уровне бессознательного «мы» выше «я». В этом отличии — очевидная сила России.

Запад отчасти понимает это, стремясь ослабить тех, кого он считает угрозой для себя, — «варваров», которых надо цивилизовать и гуманизировать. Но он совсем не из-за гуманитарных соображений старается привить российской молодежи свои ценности.

Запад хочет исчезновения российской цивилизации, на это ему денег не жалко. Но сегодня степень гедонизма и эгоизма западного общества дошла до предела, который нельзя сбалансировать финансированием военно-технических программ, армии и флота. Все равно их люди в форме будут массово уходить со службы, если возникнет реальная угроза жизни.

Западные авторы, пишущие о России, разбирая, например, события истории Второй мировой войны, всегда с нескрываемым удивлением отмечают, что советские/русские солдаты продолжают сражаться, хотя лично у них нет никаких шансов остаться в живых. Здесь сквозит очевидный подтекст: это нерационально, противоречит основополагающему пониманию прав человека, поэтому стоило сдать. Солдаты западных армий в таком безвыходном поло-

жениии сдались бы в плен — это и правильно, и рационально, и не вызывает удивления.

У нас — вызывает. Мы не считаем такое поведение правильным и рациональным, потому и сохранились как нация.

Русские писатели и философы много думали над тем, почему у нас другой тип рациональности и, соответственно, другие, непонятные западному человеку поступки. Так, философ К. Леонтьев как позитивное качество православия отмечал: «В нравственном мире, мы знаем, византийский материал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу» [4].

У нас есть цели и ценности, способные интегрировать людей в период тяжких исторических испытаний, переходить их с уровня «я» на уровень «мы», понимание того, что мы — народ. Это делает более эффективным механизм социального управления, приводящий к общественной мобилизации во имя общего блага, общих целей и ценностей Российского государства. В этом мы радикально отличаемся от западного понимания личности, ее отношений с государством и обществом. Исторически права Родины для нас первичны, а индивидуальные права — вторичны. Возможный конфликт интересов между ними осуществляется, как правило, в пользу России. Это означает не отмену индивидуального выбора, но статистически преобладающую тенденцию.

Такой подход в России исторически и культурно обусловлен, воспроизводится на уровне коллективного и индивидуального бессознательного, спонтанно проявляясь в кризисные моменты русской истории. Наглядные примеры такого массового проявления коллективного выбора интересов России — соборности выбора — дают массовые мобилизации во время Первой и Второй мировых войн с очень незначительным числом уклонистов.

Исторически соборность — патриотический общий выбор в кризисной ситуации, коллективное действие во имя интересов России — является нашей важнейшей морально-нравственной ценностью, важнейшей характеристикой мировоззрения российского народа, радикально отличающей Россию от современного Запада. Она была и до революции 1917 г., и (в иной форме) в СССР, и с высокой долей вероятности (в свойственном времени и технико-технологическому укладу формам) проявится в будущей России.

Мировоззрение современной российской молодежи сегодня переживает «бифуркацию». Традиционалистские элементы российской истории постепенно актуализируются, а постмодернистские, привносимые в молодежное мировоззрение в последние 30 лет, — деактуализируются. Этот процесс идет постепенно и поэтапно. Но молодые люди понимают, что радикально меняются правила социально-политической жизни, как они говорят, идет «переход в новую матрицу». И в этой ситуации, если хочешь преуспеть, добиться вертикальной мобильности, увеличить собственные шансы на социальный успех, нужно менять мировоззрение в соответствии с требованиями эпохи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Райх В. Психология масс и фашизм. Пер. с нем. СПб.: Университетская книга. М.: АСТ; 1997. 380 с.
2. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Пер. с англ. Киев: ИСА; 1995. 352 с.
3. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Пер. с англ. М.: Междунар. фонд «Культ, инициатива»; 1992. 525 с.
4. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М.: Республика; 1996.
5. Московичи С. Век толп. Пер. с фр. М.: Центр психологии и психотерапии; 1998. 480 с.
6. Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. М.: Аспект Пресс; 1996. 416 с.
7. Уваров С. С. Православие. Самодержавие. Народность. М.: Эксмо; 2016. 496 с.
8. Блок А. Стихотворения. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение. Большая серия библиотеки поэта; 1955.
9. Badalyan K.A., Gavrov S.N. Leaders of public opinion: Political communication with youth in Russia during 2018–2019. *Russian journal of communication*. 2021;9(2):238–252. DOI: 10.1080/19409419.2021.1999154

10. Штафф И. К понятию политической теологии у Карла Шмитта. Типы власти в сравнительно-исторической перспективе. Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. М.: ИНИОН РАН; 1997.
11. Федотов Г.П. Новый идол. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х тт. т. 2. СПб.: София; 1991.

REFERENCES

1. Reich V. Psychology of the masses and fascism. translated from German. St. Petersburg: University book. Moscow: ACT; 1997. 380 p. (In Russ.).
2. Marcuse G. Eros and civilization. Transl. from Eng. Kiev: ISA; 1995. 352 p. (In Russ.).
3. Popper K. R. Open society and its enemies. Transl. from Eng. Moscow: International Foundation "Cult, initiative"; 1992. 525 p. (In Russ.).
4. Leontiev K. N. Byzantium and Slavjanism. Moscow: Republic; 1996. (In Russ.).
5. Moskovichi S. Vek tolpa. Per. with fr. Moscow: Center of Psychology and Psychotherapy; 1998. 480 p. (In Russ.).
6. Shtompka P. Sociology of social change. Trans. from Eng. Moscow: Aspect Press; 1996. 416 p. (In Russ.).
7. Uvarov S. S. Orthodoxy. Autocracy. Nationality. Moscow: Eksmo; 2016. 496 p. (In Russ.).
8. Blok A. Poems. L.: Soviet writer. Leningrad branch. A large series of the poet's Library; 1955. (In Russ.).
9. Badalyan K. A., Gavrov S. N. Leaders of public opinion: Political communication with youth in Russia during 2018–2019. *Russian journal of communication*. 2021;9(2):238–252. DOI: 10.1080/19409419.2021.1999154
10. Staff I. Towards the concept of political theology in Karl Schmitt. Types of power in a comparative historical perspective. Problem-themed collection. Issue 3. Moscow: INION RAS; 1997. (In Russ.).
11. Fedotov G. P. The new idol. The fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: In 2 vol. Vol. 2. St. Petersburg: Sofia; 1991. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Юрьевич Белоконев — кандидат политических наук, доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Sergey Yu. Belokonev — Cand. Sci. (Politology), Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>
SYUBelokonev@fa.ru

Сергей Назипович Гавров — доктор философских наук, профессор, профессор департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
Sergei N. Gavrov — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6439-6022>
SNGavrov@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare

Статья поступила 01.12.2022; принята к публикации 25.12.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 01.12.2022; accepted for publication on 25.12.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.